

Исторические науки

УДК 94.39

Мельников И. А.,
кандидат культурологии,
заместитель генерального директора
Новгородского государственного
музея-заповедника по научной работе

Советская действительность и старообрядческая утопия в сочинениях поморского наставника Дионисия Четвергова

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-4-182-197

Статья посвящена теме религиозно-социального утопизма XX в., развивавшегося в старообрядческой среде, на примере сочинений наставника поморского согласия г. Фрунзе (Бишкек) Дионисия Четвергова (1918-2001), впервые вводимых в научный оборот. Несмотря на то, что выделенная К. В. Чистовым и особенно востребованная в старообрядчестве народная утопия в виде легенд о далеких землях потеряла актуальность в прошлом столетии, декларируемое построение коммунистического общества и политика советской власти актуализировали внимание отдельных старообрядческих авторов к социально-утопическим построениям «рационального» типа. Дионисий Четвергов, активно полемизировавший в своих сочинениях с коммунистами, вынужден был конструировать свое видение идеального государства, раскрывая собственное понимание таких категорий, как свобода личности, законность, частная собственность, идеология. При этом он обращался не столько к традиционной старообрядческой аргументации, но и к новому для него языку марксистской философии, личному социальному опыту и собственным абстрактно-логическим рассуждениям. Таким способом был сформулирован образ государства, в общих чертах сохраняющий черты идеализированного представления старообрядцев о Московском царстве до реформ патриарха Никона.

Ключевые слова: *социальный утопизм, старообрядческая литература XX века, религия в СССР, старообрядцы Центральной Азии.*

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ ««Доместикация советского»: опыт репатриации старообрядцев из Европы и адаптации в СССР» (№ 24-28-01663)»

Melnikov I. A.,
candidate of cultural studies,

*deputy general director of the Novgorod
State Museum-Reserve for scientific work*

Soviet reality and Old Believer utopia in the works of the Pomor mentor Dionisy Chetvergov

The article is devoted to the topic of religious and social utopianism of the 20th century, which developed in the Old Believer environment, using the example of the works of the spiritual superior of the Pomorian community of the city of Frunze (Bishkek) Dionisy Chetvergov (1918 - 2001), which were first introduced into scientific circulation. Despite the fact that the folk utopia in the form of legends about distant lands, highlighted by K. V. Chistov and especially in demand among the Old Believers, lost relevance in the last century, the declared construction of a communist society and the policies of the Soviet government updated the attention of individual Old Believer authors to socio-utopian issues. Dionisy Chetvergov, who actively polemicized with the communists in his writings, was forced to construct his own vision of an ideal state, revealing his own understanding of such categories as personal freedom, legality, private property, and ideology. At the same time, he turned not so much to the traditional Old Believer argumentation, but also to the new language of Marxist philosophy, personal social experience and his own abstract logical reasoning. In this way, the image of the state was formulated, in general terms preserving the features of the Old Believers' idealized idea of the Muscovite Tsardom before the reforms of Patriarch Nikon.

Keywords: *social utopianism, Old Believer literature of the 20th century, religion in the USSR, old believers in Central Asia.*

Религиозный народный утопизм насчитывает много веков истории, развивался он в том числе и на русской почве. Исследователь крестьянской утопии А. И. Клибанов, рассматривавший тему в русле марксистского подхода, находил его основу в социально-исторических условиях: процессы, происходившие в Русской церкви и государстве в сер. XVII в., спровоцировали появление в старообрядческой среде представлений о «золотом веке», имевших религиозную окраску [Клибанов, 1977: 174-194, 201-225]. Серьезный вклад в изучение проблемы был внесен этнографом и фольклористом К. В. Чистовым, рассматривавшим народную утопию сквозь призму фольклористики. Особенное внимание он уделял эсхатологическим ожиданиям, порождавшим социальный эскапизм старообрядцев и способствовавшим появлению легенд о «далеких землях», не оскверненных антихристом [Чистов, 2011: 36-40, 387-399]. В этом контексте стоит упомянуть недавно вышедшее издание текстов, посвященных возникновению т.н. «беловодской иерархии», подготовленное Е. С. Данилко и Н. Ю. Бубновым [По Уралу и вокруг света, 2021].

В отличие от дореволюционного религиозно-мифологического народного утопизма, аналогичные воззрения, появившиеся в советский период,

практически не рассматривались в литературе. Акцент исследований отечественного утопизма XX в. сместился с народных чаяний на осмысление (зачастую критическое) современной рациональной утопии [Шацкий, 1990: 147-193], марксистского учения или советского проекта, воспринимаемого как частичное и по большей части виртуальное торжество «утопий интеллектуалов и бюрократов» на практике [Гордеева, 2010: 7-74; Геллер, Нике, 2004: 177-242]. Однако это не значит, что в советский период прекратилось утопическое мифотворчество среди представителей различных старообрядческих согласий. Интерес представляют мифопоэтические элементы традиционной утопии, обнаруженные О. Д. Журавель на страницах «Урало-Сибирского патерика», созданного в среде часовенных в 1940-1990 гг. [Журавель, 2016: 90 – 94]. В данном случае речь идет о воспроизведении элементов традиционных утопических крестьянских представлений в поздней письменной традиции староверов. Однако старообрядческая литература XX в. впитала и совершенно новые для нее формы утопизма, родившиеся путем сложных интеллектуальных построений, которые вызрели на благодатной почве советского массового пропагандистского дискурса.

Старообрядческая литература советского периода – явление, которое давно привлекает к себе внимание исследователей. В первую очередь, это авторы часовенного согласия, чьи сочинения введены в научный оборот и изучаются новосибирскими и екатеринбургскими коллегами: Иродиона Уральского, Афанасия Мурачева, Исаия Назаровича и др. [Урало-Сибирский патерик, 2014; Урало-Сибирский патерик, 2016; Починская, 2017; Журавель, 2012; Зольникова, 1998]. Также можно упомянуть сочинения поморского автора из Усть-Цилемского района Степана Носова, изданные М.В. Мелиховым [Печорский старообрядческий писатель, 2005]. Они демонстрируют, каким образом старообрядцы-книжники осмыслили совершенно новые для них реалии советского периода, конструируя свою интерпретацию происходящего на основе традиционных письменных старообрядческих источников и народно-мифологических представлений.

Творчество старообрядческих писателей советского периода достаточно эклектично. Если ранее отработанные веками полемические приемы имели общую с оппонентами основу – старообрядцы полемизировали с «другими верующими», – то приход к власти большевиков заставил их обратиться к совершенно новой проблеме: полному отрицанию любой религиозной традиции как таковой. Наиболее ярко это отразилось в полемике с атеистической идеологией и обличении новых реалий жизни в советской стране. Для этих целей некоторые из старообрядческих писателей использовали как хорошо освоенный язык традиционной книжности, так и новый язык абстрактно-логической аргументации. Не менее важное значение приобретал личный социальный и религиозный опыт. Пласт старообрядческой литературы XX в. является интересным материалом в исследованиях «проживаемой» и «вернакулярной» религии. Среди исследователей до сих пор идут дискуссии о рабочем определении этих понятий [Primiano, 1995: 37 – 56; Панченко, 2002: 68 – 69;

Маркова, Лютаева, 2022]), однако подход, в общих чертах фокусирующийся на индивидуальных проявлениях религиозности, позволяет увидеть в ней как уникальное, присущее отдельной личности, проживание религиозного опыта, так и детерминированные культурой формы, образы, концепты и понятия, формирующие религиозную картину мира, которую человек конструирует, опираясь на религиозные тексты, устные традиции, личные предпочтения, практики и т. д.

Становление советской утопии давало новый импульс к поиску ответов на остросоциальные вопросы. В религиозных направлениях, имевших относительно централизованную структуру, секулярный советский дискурс, навязанный церковной бюрократии, попадал в том числе на страницы массовых религиозных изданий (журналов, бюллетеней и церковных календарей). Поэтому среди некоторых старообрядческих авторов социально-утопические представления дрейфовали от мифопоэтических форм в сторону абстрактно-логических рассуждений в стиле официально дозволенной и популяризовавшейся в СССР марксистской философии.

Достаточно ярко это проявилось в сочинениях наставника поморского согласия Дионисия Четвергова, чьим сочинениям мы уже давали частичную характеристику несколько лет назад [Мельников, 2018]. Рукописи Четвергова были выявлены автором в ходе командировки в поморскую общину г. Бишкек совместно с представителями Российского совета Древлеправославной поморской церкви и Невской поморской общины Санкт-Петербурга в октябре 2017 г. Они представляют собой несколько десятков тетрадей, черновики писем, выступлений и проповедей на отдельных листах, датированных 1950-1990 гг. Приблизительная датировка установлена благодаря упоминаниям тех или иных важных исторических событий, адресатов писем, косвенных данных писчих материалов (ученических тетрадей), в редких случаях она отмечена самим автором. Сочинения написаны скорописью XX в. чернилами, шариковой ручкой и химическим карандашом. В период полевой работы и в более позднее время в ходе переписки с клирошанами и прихожанами общины в числе прочей информации были записаны воспоминания о Д. И. Четвергове, вполне характеризующие его статус в общине и отношение к нему верующих.

Дионисий Иванович Четвергов родился в 1918 г. в поморской семье г. Пржевальск (в 1922-1939 гг. и с 1992 г. – г. Каракол, Иссык-Кульская область Кыргызстана). Закончив восьмилетку и строительный техникум, он не стал работать по специальности, потому что часто болел. В 1934 г. Дионисий переехал в г. Фрунзе (ныне г. Бишкек). В 1950 г., после знакомства с неким «старцем» поморского согласия, он активно погружается в жизнь местной общины, состоявшей из потомков переселенцев, в основном, с Алтая и Казахстана [Грачева, 2001]. В 1960-х гг. Четвергов избирается прихожанами в помощники местного наставника, служит уставщиком и помощником при духовных отцах Елисее Ивановиче Гритчине и Николае Евдокимовиче Трофименко. Последний перед своей смертью в 1981 г. благословил Четвергова на служение духовным отцом. С этого времени до 2001 г. он служил

наставником, причем, согласно документам, официально значился в должности сторожа, живя при небольшой моленной. Прихожане вспоминают его строгость и особенное рвение в исполнении предписаний устава. Не менее часто упоминается тот факт, что он не имел семьи и детей и считался «девственником». Дионисий Иванович умер в 2001 г. и похоронен на русской части Бишкекского кладбища.

Примерно с конца 1950-х гг. Д. Четвергов начинает вести активную литературную жизнь. Большая часть его писаний является плодом собственных размышлений по различным актуальным вопросам. Мысли, сформулированные наставником в черновиках, предназначались для дидактических целей, легли в основу его переписки с поморцами из других регионов (гг. Курган, Вильнюс, Тарту, Москва), а также проповедей и речей, произносившихся в самой общине.

Основу литературных познаний Четвергова составили книги, собранные на протяжении нескольких десятилетий предшествующими наставниками. Примерный круг его чтения можно определить как по прямым цитатам, так и благодаря обследованию состава книжного собрания общины, произведенному автором во время полевой работы. Помимо Библейских текстов (Евангелие, Псалтырь, Апостол и выдержки из Ветхого Завета), Четвергов пользовался сочинениями и распространенными псевдоэпиграфами Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иосифа Волоцкого, Ефрема Сирина, Аввы Дорофея, Амвросия Медиоланского, Барония, Захарии Копыстенского, а также книгами «Цветник священноинока Дорофея», «Кормчая», «Альфа и Омега», «Синтагма Матфея Властаря», «Зонар», «Поморские ответы», «Щит веры», многочисленной житийной литературой. В некоторых сочинениях легко усмотреть отсылки к поморскому журналу «Щит Веры», выходившему в нач. XX в. Четвергов проштудировал труды старообрядческих начетчиков XIX - нач. XX в.: Л. Ф. Пичугина, И. М. Кокунина, А. А. Надеждина, а также гектографированные сочинения неизвестных авторов-старообрядцев этого же периода. Наконец, Дионисий Иванович цитирует решения первых двух Всероссийских Соборов старообрядцев поморского согласия. Не остались в стороне и светские писатели: Д. Л. Мордовцев, П. И. Мельников-Печерский, «профессор Соловьев» (вероятно, философ Вл. Соловьев). Не ясно, откуда Четвергов черпал знания по марксистско-ленинской философии – очевидно, он был знаком с массовой советской периодикой, несмотря на то, что прямо ее цитирует крайне редко.

Рассуждения Четвергова не имеют системности и разбросаны во множестве тетрадей, черновики писем и выступления. Чаще всего по форме это относительно короткие записки, озаглавленные как «Нравоучения», а также «вопросо-ответы». Обе формы произведений прямо отсылают нас к старообрядческой и древнерусской традиции. И если в случае «вопросо-ответов» это достаточно очевидно, то «Нравоучения», вероятно, восходят к аналогам с подобными заглавиями из киевского издания «Бесед на 14 посланий апостола Павла», которые, как мы покажем ниже, входили в излюбленный круг чтения Д.И. Четвергова. Ключевые темы, занимавшие поморского наставника, были

относительно новыми для старообрядческой мысли. Сквозной нитью через все его творчество на разных этапах проходит полемика с атеизмом, взаимоотношения старообрядцев и советской власти, а также свобода личности. Некоторое место в его переписке занимали вопросы истории церковного раскола и канонического права. Все эти темы, как правило, являлись прямым откликом на конкретные события: принуждение религиозных организаций на государственном уровне к участию во Всемирном совете мира, вмешательство уполномоченного Совета по делам религии в жизнь общины, дисциплинарные конфликты внутри коллектива клирошан, вопрос общей и частной исповеди и т. д.

Поскольку темы, затронутые наставником, были новыми для предшествовавшей полемической традиции, он был вынужден использовать чуждую ему систему аргументации и язык малознакомой марксистской философии, а также задействовать не только старообрядческие доктринальные познания, почерпнутые из церковных книг, но и личное понимание таких вещей, как религия, вера, неверие, душа и духовная свобода. В каком-то смысле, можно говорить, с одной стороны, о «вернакулярной религии», а с другой – о «вернакулярной философии» Дионисия Четвергова, не имевшего систематических познаний в этих областях, но, судя по объему и форме его писаний, проживавшего каждый свой «философский» тезис в контексте собственной жизни и религиозных взглядов.

Учитывая сказанное выше, стоит обратить отдельное внимание на язык произведений поморского наставника. Четвергов использует самые расхожие формулировки, почерпнутые в прессе и в советской повседневности: «частнособственнический», «капитализм», «материализм», «социалистическая законность», «общественная жизнь», «материалистическое мировоззрение». Не чужды ему и расхожие клише: «поставлены на идеологическую/духовную основу», «морально разложившиеся», «планомерная борьба» и т. д. Однако далеко не всегда усвоение советского языка ограничивается лишь заимствованием отдельной терминологии. Некоторые понятия развиты Четверговым в своего рода концепты, которые заняли свое место в системе аргументации. Это продукт сложного сочетания старообрядческой литературной традиции и советского идеологического дискурса.

Тавтологическим термином «коммунистическая община» Четвергов обозначает советское общество, противоположное общине христианской, т.е. старообрядческой. В каком-то смысле, это синоним традиционного для старообрядцев понятия «мир», однако оно более конкретизировано и напрямую соотносится с советским понятием социалистического общества, которое, вследствие безбожия, в корне неприемлемо для старовера Четвергова. Не менее интересен термин «духовная власть», под которым, исходя из контекста, Дионисий Иванович подразумевает идеологию. Коммунистическая партия, по сути, и есть та несправедливая «духовная власть», которой нельзя подчиняться, в отличие от «власти гражданской». Если при описании коммунистических идей

Четвергов часто применяет старое понятие «духовная власть», то христианское вероучение он, напротив, часто называет новым для него термином «идеология».

Хотя Д. И. Четвергов никогда не задумывал свои сочинения как политический трактат, особенности ситуации, вызвавшие к жизни его рассуждения, предопределили их политическую составляющую. Во второй половине 1960-х и в 1970-х гг., когда наставник проявлял наибольшую литературную активность, отношение к религии со стороны советской власти изменилось в лучшую сторону: в 1975 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, внесший изменения и дополнения в постановление ВЦИКа и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8.04.1929 г. и дававший больше простора для действия зарегистрированным религиозным организациям [Потапова, 2007: 173-175]. В союзных республиках эти положения подкреплялись принятыми в 1975-1977 гг. актами «О религиозных объединениях». Тем не менее, на местах реализация этих актов буксовала и во многом зависела от уполномоченного Совета по делам религий. Вновь принятая Конституция СССР 1977 г. по-прежнему признавала за верующими лишь право исповедовать, но не распространять свою веру. Кроме того, религиозные организации втягивались государством в идеологическое противостояние периода холодной войны, вынуждены были вступать в различные просоветские международные организации, что одновременно служило дипломатическим фасадом, демонстрировавшим зарубежной общественности отсутствие нарушений прав верующих в СССР [Белякова, 2018: 139-142].

В 1950-60-е гг. в лишенном централизованной структуры поморском согласии начинает выделяться организационный центр – Высший старообрядческий совет (ВСС) в Вильнюсе, представители которого так же, как и все прочие религиозные организации, вынуждены были лавировать между требованиями советской власти и нормами, принятыми в старообрядчестве, допуская различные компромиссы [Поташенко, 2023]. Внутри поморского согласия это спровоцировало обсуждение возможности и степени участия старообрядцев в общественной жизни советского государства. Такое обсуждение было скрыто от стороннего наблюдателя и происходило внутри самих общин. Этот контекст стоит учитывать, обращаясь к сочинениям Д. Четвергова.

Особенный интерес в них представляют фрагменты текста, в которых наставник вынужден, полемизируя с актуальной советской действительностью, предлагать свое видение приемлемого и даже оптимального для него государственного и общественного устройства. Разумеется, идеал государства, рожденный в полемике, так и не сформировался у Четвергова в цельную картину. Основное негодование Д. Четвергова вызывали факты участия представителей старообрядчества в различных общественных и политических мероприятиях, проводимых советской властью: выборах в Верховный совет СССР и различных миротворческих конференциях, в которые был активно втянут ВСС уже с 1950-х гг. [Поташенко, 2023: 597-600]. Один из видных деятелей поморского согласия, в 1966-69 гг. председатель, в последующие годы – член ВСС и председатель

Духовной Комиссии И. И. Никитин, состоявший в переписке с общиной г. Фрунзе, в числе поморских делегаций участвовал во Всемирных конференциях религиозных деятелей в защиту мира в Москве в 1977 и 1982 гг., а также на конференциях религиозных деятелей 1978 и 1983 гг. На конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливое отношение между народами» он выступал с подобными политическими заявлениями: «Спрашивается, отчего же за пределами нашей Родины нет настоящего спокойствия? Оттого, что там есть такие группы, которые, не задумываясь над жизнью человечества, вмешиваются во внутреннюю жизнь других государств <...> и этим разрушают мирную жизнь» [Никитин, 2016: 52]. Вероятно, именно эти выступления, информация о которых публиковалась на страницах поморского календаря, способствовали обострению полемики внутри согласия.

По словам Четвергова, в защиту своей позиции неназванные сторонники участия в «миротворческих» конференциях приводили следующий довод: «[н]аша вера <...> сходна с коммунистической. <...> Только мы верим в Бога, а коммунисты нет» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан], а также выдвигали известный аргумент о необходимости повиновения властям со ссылкой на слова апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим 13:1). Желая опровергнуть эту точку зрения, наставник настойчиво утверждает в «Нравоучениях», что коммунистическая идеология неотделима от атеизма, и поэтому ее нельзя признавать даже частично. Аргумент о повиновении властям легко преодолевался средствами хорошо известного поморцам полемического приема: повиноваться можно во всем, кроме веры. Место веры в тезисах Четвергова занимает коммунистическая идеология во всех ее проявлениях: «закон Божии повелевает повиноватися властям только в мирских, плотских делах, а не духовных, и жить по коммунистической морали – это относится к духовной стороне вопроса, а не гражданский долг» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан].

Для осмысления необходимости сопротивления советской идеологии Четвергов активно использует не слишком востребованный в прежней старообрядческой литературной традиции концепт личной свободы. Ее определению посвящена значительная часть писаний наставника. Основное противоречие, которое Четвергов видит в подчинении советскому государству – то, что с помощью законодательных ограничений оно лишает личность свободы выбирать веру, основывая законы государства на идеологии: «Жить христианину или не жить по коммунистической морали – в этом ему представляется дух[овно]-нравствен[н]ая свобода, <...> никто его не будет привлекать к суду и наказывать е[с]ли он не хочет жить и поступать по ком[м]унистической морали, а вот подчиняться христианину или не подчиняться ком[м]унистической законности – в этом ему не представляется дух[овно]-нравственной свободы, свободы жить и поступать по своей Вере, по своим правам, так как, за неподчинение и сопротивление ком[м]унистическим законам его могут подвергнуть суду и наказанию» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан]. Таким образом, даже возможность исполнения советских законов ставится

Четверговым под сомнение, хотя и с обычными оговорками, что нормы, регулирующие порядок в обществе, исполнять необходимо.

Отсюда же вытекает требование свободы в мирской жизни. Если человек ее лишен, то он не имеет возможности подчиняться «воле Божьей». Даже благие дела и устремления, к которым Четвергов безусловно относит отказ от имущества и служение ближнему, обесцениваются, когда они реализуются по принуждению светской власти: «По закону Св. Писания гражданская власть не имеет права вмешиваться в духовные дела, лишать людей духовной свободы; <...> жить человеку частной обособленной жизнью или участвовать в общественной это дело его совести, ком[м]унисты были бы правы, если бы они вели людей к своей цели методом убеждения, силой слова, но если они применяют насилие, то этим они нарушают гражданский закон» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан].

Казалось бы, требование свободы в общественной жизни – первый шаг на пути формирования собственного представления об идеальном государстве. Однако в тех местах, где Четвергов переходит от критики к утверждению, чаще всего звучит другой мотив: общественное благополучие. Здесь можно наблюдать противоречие ригористичной аскезы старообрядческой доктрины и советской риторики всеобщего материального благоденствия, которое поморский наставник так и не смог разрешить. С одной стороны, он утверждает, что материальное благополучие не имеет значения, а главная цель – спасение души. С другой стороны, Четвергов настойчиво повторяет тезис, что «мирское» благополучие напрямую зависит от духовного и нравственного состояния общества: «Общественное, мирское благополучие основывается на благочестии, оно может быть только там, где господствует правая вера и закон» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан]. Таким образом, наставник не противопоставляет «мирское благополучие» духовной жизни и вере. В другом месте он отмечает, что христианство легло в основу гуманного отношения к другим людям, и, соответственно, способствует миру и процветанию. Идея о неразрывной связи «мирского» благополучия и благочестия, которую он формулирует с помощью вдохновленных марксистским «основным вопросом философии» рассуждений (решенным, разумеется, не в марксистском духе), послужила своеобразным мостиком к рассуждениям об идеальном государстве.

Итак, мы уже знаем, что, для достижения благополучия необходимо следование «правой вере», для выбора которой человек должен иметь свободу, не ограниченную государством. Однако всем ли Четвергов готов дать такую свободу? Ответ на этот вопрос решен им вполне в духе традиции: «[л]ичная свобода в духовных делах, свобода проповедания, распространения ложных учений, заблуждений, ересей вредит духовно-нравственному благополучию общества». Материальное и «духовно-нравственное» благополучие общества не может быть основано на безграничной личной свободе, но только на «подчинении личности человека Божественной вол[е]» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан]. Несмотря на неопределенность последнего термина, вероятно, под этим подразумевается строгое следование старообрядческой

доктрине. Таким образом, поморский наставник, начав с рассуждений о неправомерности лишения верующих свободы вероисповедания в СССР, сам приходит к утверждению правомерности запретов того, что он называет «ложными учениями» и «ересями». В советской системе его не устраивает то, что законность здесь социалистическая со знаком минус, если же ее заменить на «христианскую законность», то противоречие будет снято.

Для подтверждения этого тезиса приведу весьма красноречивую пространную выдержку, демонстрирующую всю цепочку умозаключений Четвергова: «Свобода личности в духовно-нравственном смысле заключается не в своеволии, не в собственном личном произволии и желании, не в свободе слова, печати, вероисповедании, а свобода заключается в подчинении своей воли воле Божией, в жизни по Вере, по закону Божию. <...> можно ли улучшать мирское, общественное благополучие людей за счет лишения личной свободы? Ответ: Но кто-же выше и кому большее предпочтение должны мы отдавать: отдельной личности или всему обществу. Этот вопрос равносителен тому, можно ли улучшать духовно-нравственное благополучие людей за счет лишения личной свободы в духовных делах? Ответ: Благополучие общества, как духовно-нравственное, так и мирское основывается не на личной свободе человека, а <...> на подчинении личности человека Божественной воли» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан].

Итак, постепенно перед нами вырисовывается образ государства, которое поморский наставник противопоставляет советскому: оно следит за порядком на основе «христианской законности», общественное благополучие достигается следованием «благочестию», а инакомыслие в виде «ложных учений» под запретом.

Есть ли у такого образа государства какие-то важные экономические составляющие? Конкретика по этому вопросу у наставника проступает, опять же, в полемике. С одной стороны, Четвергов обнаруживает явные симпатии идее общности имущества, отмечая, что «частнособственническая жизнь связана с грехом, «твое» и «мое» – эти слова от дьявола введется. Частнособственники, капиталисты противятся коллективной жизни по своему духовному несовершенству, они находятся во власти греха» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан]. Такой пассаж не является совершенно необычным в контексте старообрядческой литературной традиции. Цитата, приводимая в доказательство, принадлежит почитаемому церковному авторитету Иоанну Златоусту и содержится в книге «Беседы на 14 посланий апостола Павла», первое церковно-славянское издание которой, вышедшее в Киево-Печерской лавре в 1623 г., зафиксировано нами в собрании поморской моленной г. Бишкек. В старообрядческой литературе эту цитату можно встретить, например, в сочинениях известного страннического писателя XVIII в. инока Евфимия [Мальцев, 1996: 120]. Примечательно, что и Евфимий, и Дионисий Иванович независимо друг от друга приводят эту цитату, обосновывая предпочтительность общности имущества вообще, хотя в оригинале речь идет об общности имущества семейного, при этом Златоуст обращается к женам, упрекающим мужей своим

приданым: «Что глаголеши, о, жено? Еще ли твоими облагаешься? И что сего глагола будет беднее? Тело к тому не имаши свое, а имущества ли своя имаши? <...> и еще ли глаголеши «моя»? Проклятый сей глагол и скверный от диявола введется, вся нам общая сотворил есть Бог...» [Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, 1623: стб. 1795]. Цитата, помещенная в «коммунистический» контекст «Нравоучения» Четвергова, демонстрирует в его взглядах связь старого церковного культа самоотречения и советского бичевания «частнособственнической жизни».

Аналогичное отношение к усвоенным из советского дискурса и, вероятно, по-своему интерпретированным понятиям «капитализма» и «капитала», демонстрировали представители совершенно разных старообрядческих общин в советский период. Например, их можно встретить в произведениях енисейского часовенного Исая Назаровича (1970-е гг., введены в научный оборот Н. Д. Зольниковой): «Народ пролетария нехотя Богу служат, вконец искореняют буржуа капиталистов, у диявола царство нарушают» [Зольникова, 1998: 78-79]. Автор этих строк не может в данном контексте умолчать о собственных полевых наблюдениях. Так, младший современник Четвергова, поморский наставник из пос. Бурга (Новгородская обл.) М. В. Никитин некогда в беседе со мной завершил свои рассуждения о «последних временах» следующей сентенцией: «Самоё страшноё: а в этом во всём, в этом во всём, что сейчас царствует? Ка-пи-тал! Он царит надо всим миром, капитал. Почому? Потому что... он с какого времени ведется? С продажи само́го Спасителя. Ученик с им ел, ученик с им пил, ученик рядом сидел. <...> Вот он ел-ел, и своёво же учителя, – с одно́го куска кусал, с одной чашки хлебал – и про-дал за капитал!» [ПМА 2016, пос. Бурга Новгородской области].

Замечания о частной собственности у Четвергова перекликаются с необычной для старообрядчества формой критики протестантизма. Ее наставник выстроил не на традиционных нападках на иконоборчество, а на приписывании протестантам учения о неограниченной личной свободе и индивидуализме, которые, по его мнению, основаны на частной собственности. В основе протестантизма лежит «материалистическое понятие», под которым, вероятно, понимается личная свобода и частная собственность. Это значит, что, несмотря на все противоречия, материализм роднит протестантов-капиталистов и коммунистов.

Разумеется, подобные пассажи вовсе не свидетельствуют о полном приятии некоторыми наставниками и религиозно подкованными старообрядцами политики искоренения частной собственности, провозглашавшейся советским государством. Скорее, здесь может идти речь об усвоении некоторых коммунистических тезисов, почерпнутых из прессы и радио, аналоги которым с легкостью можно было найти в монашеской общежительной традиции. Именно ее, очевидно, имеет в виду и Четвергов, продолжающий рассуждения о греховности частной собственности цитатой из Евангелия (Мф. 19:16 – 21), нередко цитируемой в православной традиции в качестве прообраза монашеского идеала: «к духовному совершенству <...> нельзя вести людей

революционным насильственным путем. Это ясно выражено в Св. Евангелии. Обращаясь к Господу, некий юноша спросил Христа: «Учителю, что сотворю, да живот вечный наследую?». Он ему отвечает: «соблюди заповеди моя». Глагола ему юноша: «Вся сия сохраних от юности моя, что есмь и еще не dokonчал?». Рече ему Исус: «Аще хочещи совершен быти, иди продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди вслед мене». В другом черновике, дополняя эту же мысль о необходимой добровольности отказа от имущества, Четвергов прибавил от лица Христа: «Но не законополагаю, но желаю» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан].

Несмотря на критичное отношение к частной собственности, Дионисий Иванович все же вынужден смириться с ее существованием, поскольку она «установлена» в силу греховности человека, неспособного «правильно и безгрешно пользоваться коллективной жизнью». В свою очередь, государственный закон в идеале «стоит на страже частной собственности, служит и духовному, и мирскому благополучию общества».

Политическое мировоззрение Четвергова не исключало и оригинально понятую личную свободу: «Личная свобода человека в государстве должна охраняться и гарантироваться государственным правом и законностью государственных прав, должно стоять на страже свободы личности, охраняя и защищая личность и все общество от злоупотреблений одних против других». Каким же образом это высказывание сочетается с критическим замечанием о том, что в основе личной свободы лежит протестантский меркантилизм? Все дело в том, что поморский наставник понимает личную свободу совершенно по-своему, как свободу «от господства заблуждения, от злоупотребления одних против других. Государство и должно стоять на страже этой личной свободы» [ПМА 2017, г. Бишкек, Республика Кыргызстан]. Как и в приведенных ранее высказываниях о «ересях» и «заблуждениях», Четвергов утверждает, будто государственное ограничение того, что он считает заблуждением, на самом деле является гарантией личной свободы и должно быть такой же частью государственной политики, как и охрана от злоупотреблений «одних против других».

Итак, путем сложных рассуждений, в которых Дионисий Четвергов пытался полемизировать с изощренной марксистской диалектикой, он в общих чертах составил свой образ идеального государства, в правовой основе которого лежит религиозная доктрина («христианская законность»), государство следит не только за порядком, но и «духовно-нравственным благополучием», борется с инакомыслием. В государстве Четвергова допускается частная собственность, а личная свобода понимается как свобода духовного совершенствования, одной из форм которого может быть отказ от собственного имущества. На мой взгляд, подобного рода идеал напрямую соответствует мифологизированному образу дониконовской Руси. Пусть и не в полной степени, но все же можно согласиться с утверждением А. И. Клибанова, что уже на раннем этапе развития старообрядческого движения «размежевывалось» с окружающим миром своей

идеализацией прошлого [Клибанов, 1977: 90-93]. Универсальный образ «золотого века» стал оппозицией не только имперской России, но и советскому государству. Этот же образ Руси, в которой все социальные противоречия уничтожаются единством «древнего благочестия», торжествует мир и свобода, а враги сами бегут с поля брани «действием крестной благодати», мы видим в позднем духовном стихе, распространенном во всех регионах и часто включавшемся в старообрядческие рукописные и печатные сборники:

Воин, раб и царь на троне,

Князь, святитель и купец –

Были все в одном законе:

Земледелец и мудрец [Кому повем печаль мою, 2007: 256-257].

В отличие от легенд о «золотом веке», утопизм Четвергова основан на цепочке логических «философских» рассуждений, которые, тем не менее, приводят поморского наставника к традиционным установкам старообрядческой утопии: государства, в котором личная экономическая и идеологическая свободы ограничены безраздельным господством «истинной веры». И хотя в сочинениях Четвергова нашлось место традиционным рассуждениям о Третьем Риме и торжестве православия в Московской Руси до раскола, для объяснения и обоснования своего идеала Четвергов обращается не к этой части старообрядческой мифологии, но к абстрактно-логическими рассуждениями, использует новую терминологию, позаимствованную из советской периодики и марксистско-ленинской философии.

Творчество Д. Четвергова демонстрирует попытки адаптации старообрядцев к советской действительности через осмысление места общины в актуальной исторической среде. Язык этого осмысления претерпевал изменения, включая в себя яркие элементы советского пропагандистского дискурса, что можно частично объяснить секуляризационными процессами XX в., иллюстрацией которых являются попытки перевести традиционные конфессиональные установки на язык светской и даже очевидно советской терминологии. Самое показательное, что эти тенденции проникли не только в среду церковной бюрократии поморского согласия (ВСС), что наиболее красноречиво иллюстрируют тексты церковных календарей того времени, но и в дискурс радикальных противников компромиссов, к каковым относился Дионисий Четвергов.

Как и ранее, глубокое недовольство конкретными действиями властей порождало у верующих попытку сконструировать свой идеал общественного устройства, который, в силу известных обстоятельств, не мог предполагать каких-то попыток его реализации в жизни. Наконец, при внимательном рассмотрении можно заметить, что принципиальные различия между декларируемой советской утопией и идеалом государства поморского наставника сводятся к признанию возможности иметь частную собственность. Наличие идеологии, напротив, не отвергается старообрядческим автором, как таковое. Он выступает лишь против ее конкретной формы, предлагая в качестве альтернативы «христианскую законность» и признавая необходимость

государственного регулирования идей и духовно-нравственного состояния общества.

Полевые материалы

ПМА, 23.10.2016, пос. Бурга Маловишерского района Новгородской области.

ПМА, 09 – 15.10.2017, г. Бишкек (Республика Кыргызстан).

Список литературы

Белякова, 2018 – *Белякова Н. А.* Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева) // *Контуры глобальных трансформаций.* 2018. Т. 11. №4. С. 130-149.

Бергер, 2019 – *Бергер П.* Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Геллер, Нике, 2003 – *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. С. 177-242.

Гордеева, 2010 – *Гордеева И.* Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX – начала XX в. // *Дюран Д.* Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России 1920-х годов. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2010. С. 7-74.

Грачева, 2001 – *Грачева Е. Е.* Дионисий Иванович Червергов (некролог) // *Извещение Российского Совета Древлеправославной Поморской Церкви.* 2001. № 24. С. 55-56.

Журавель, 2016 – *Журавель О. Д.* Народно-утопические легенды в памятнике современной старообрядческой литературы // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2016 г. Т. 23. №3. С. 90-94.

Журавель, 2012 – *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.

Зольникова, 1998 – *Зольникова Н. Д.* Эсхатология енисейского староверакнижника часовенного согласия Исаия Назаровича (1970-е гг.) // *Уральский сборник: История. Культура. Религия.* Вып. II. Екатеринбург, 1998. С. 73-80.

Иже во святых отца..., 1623 – *Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинограда, патриарха вселенского, беседы на 14 посланий святого апостола Павла.* Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1623. 3200 стб.

Клибанов, 1977 – *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977.

Кому повем печаль мою, 2007 – *Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхокамья.* Исследования и публикации / ред. И. В. Поздеева. М.: Данилов ставропигиальный монастырь, 2007.

Мальцев, 1996 – *Мальцев А. И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1996.

Маркова, Лютаева, 2022 – *Маркова Н. М., Лютаева М. С.* Народная религия как феномен межкультурной коммуникации: концептуализация понятия «родного» / «вернакулярного» // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. №1. С. 125-137

Мельников, 2018 – *Мельников И. А.* История и современность глазами наставника поморской старообрядческой общины г. Бишкек Д. И. Четвергова (1918 – 2001) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. С. 162-167.

Никитин, 2016 – *Никитин И. И.* Выступление председателя Духовной Комиссии Старообрядческой Церкви при Высшем Совете в Литве Никитина Иосифа Ивановича на Всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» 7 июня 1977 года // Никитин И.И. Любите друг друга и Бог будет с вами. Кайщядорис: Printeja, 2016. С. 52.

Панченко, 2002 – *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.

Печорский старообрядческий писатель – Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов. Видения, письма, записки / подгот. текста М. В. Мелихова. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

Потапова, 2007 – *Потапова Н. В.* Политика советского государства в отношении церкви в 1940–1980 гг. (нормативно-правовые основы регулирования) // Ленинградский юридический журнал. 2007. №4. С. 166-178.

Поташенко, 2023 – *Поташенко Г. В.* Советская власть и старообрядческая поморская Церковь Литвы (1953 – 1966): Высший старообрядческий совет между выживанием и приспособлением // Комплексная археография Московского университета: сборник научных статей. Труды исторического факультета МГУ. М.: Изд-во МГУ, 2023. С. 590-612.

По Уралу и вокруг света....., 2021 – По Уралу и вокруг света в поисках «истинного священства»: Исследования и документы по истории беловодской иерархии / Авт.-сост. Е. С. Данилко, Н. Ю. Бубнов. М.: Индрик, 2021.

Починская, 2017 – *Починская И.В.* Старообрядческие эсхатологические сочинения XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 157-163.

Урало-Сибирский патерик, 2014 – Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. Кн. 1 (Т.1–2) / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Урало-Сибирский патерик, 2016 – Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т.. Кн. 2 (Т. 3) / отв. ред. Н.Д. Зольникова. М.: Языки славянской культуры, 2016.

Чистов, 2011 – *Чистов К. В.* Русская народная утопия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

Шацкий, 1990 – *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.

Hall, 1997 – *Hall D.D.* Introduction // *Lived religion in America: Toward a History of Practice*. Princeton, 1997. Pp. VII-XIII.

Primiano, 1995 – *Primiano L.* Vernacular religion and the Search for method in religious folklife // *Reflexivity and the study of belief (Western Folklore)*. 1995. Vol. 54. No. 1. Pp. 37-56.

УДК 94 (450.45)

Ковалева М. В.,

*кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

**Организация производства и повседневная жизнь работников в Италии
эпохи Возрождения**

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-4-197-210

Статья описывает процесс возникновения, организации и развития ведущих видов производства в итальянских городах эпохи Возрождения. Автор рассматривает устройство ремесленных мастерских, начало процесса превращения ремесла в производство, структуру производственных связей. Содержится описание состава работников в различных отраслях, их обязанностей и источников дохода.

Ключевые слова: *история Италии эпохи Возрождения, ремесленные цехи, устройство ремесленных цехов, принадлежность производства, перерастание ремесла в производственно-торговые компании, ремесленные мастерские, состав работников в различных отраслях, их обязанности, цеховые статуты, текстильное производство, железоделательное производство, строительное дело, ювелирное дело, художественное производство, защита производителей государством.*

Kovaleva M. V.,

*Candidat of Historical Sciences,
Senior Lecturer of the Department of General education disciplines,
Orel state University named after I. S. Turgenev*

The organization of production and the daily life of workers in Renaissance Italy

The article describes the process of emergence, organization and development of leading types of production in Italian cities of the Renaissance. The author examines the structure of craft workshops, the beginning of the process of transformation of craft